Вышка г. Баку
24 мая 1988 г.

Проблемы, суждения

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ?

ИЛИ ПОЧЕМУ ИЗ РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ САМЕДА ВУРГУНА УХОДЯТ АКТЕРЫ

СРЕДИ ПРОЧИХ в рекламационной почте оказалось и это письмо, написанное инженером С. Садыхоным от имени «театралов, душой болеющих за сценическое искусство». Приведу его с небольшими сокращениями. «С некоторых пор нас не покидает ощущение того, что с Русским драматическим театром творится что-то неладное. Нас по-настоящему тронули такие спектакли, как «Театр времени Нерона и Сенеки», «Зимуля», «Рядовые», «Диктатура совести». Но иные спектакли не собирают и половины зала, с некоторых зритель уходит задолго до их окончания. Вот уже давно мы не видим на афишах названий, прошедших в свое время с большим успехом, таких спектаклей, как «Загнанная лошадь», «Долги наши», «Где Чарли?». «Моя профессия — синьор из общества», и других. Зато появился такой «шедевр», как «Я стою у ресторана...». Нас не может не волновать то, что из театра уходят талантливые актеры: Фальович, Мисников... Говорят, недавно ушел и Митрофанов. Не слишком ли легко театр расстается с ними?..».

Отсутствие аншлагов, полупустующие залы... Увы, этим «болеют» сегодня даже самые лучшие театры страны. Кругом говорят, пишут о том, что театральное искусство переживает тяжелые дни. Изменился зритель, стал скептичнее, отчужденнее. Ему хочется (и он терпеливо ждет) нового режиссерского подхода, нестандартных решений, деталей, в хорошем смысле этого слова; постановок. И, наверное, не стоило бы акцентировать внимание на отдельных творческих неудачах нашего театра, посчитав их временными, преходящими (да и пережить их может любой другой, даже самый именитый), не будь в письме вопроса: почему из театра уходят талантливые актеры? Были названы только Фальович, Мисников, волновались за Митрофанова... Но были еще Щербаков, Халафова, Магарраков, Сушков, режиссер Алексей Нинольский... Последним же, действительно, ушел Юрий Митрофанов.

— Митрофанов, как и другие, ушел по собственному желанию, — с этими словами главный режиссер Русского драматического театра, заслуженный деятель искусств республики Д. Селимова возвратила протянутое для комментария письмо. — Причина? Видите ли, Митрофанову казалось, что его недостаточно ценят в театре, что вся труппа должна работать только на него. Очевидно, сказалась эгоцентричность актера, я бы даже назвала это заподлядным инфантилизмом. Да, он неплохо сыграл Нерона, но это еще ничего не значит. Зато, признаться, после его ухода атмосфера в театре стала чище, работается нам спокойнее...

Примерно то же, только в более резкой форме, говорила Джаннетта Алибекова и на худсовете, когда рассматривалось заявление об уходе Ю. Митрофанова. Сразу оговорюсь: ни его заявление, ни ответное — Селимовой, ни в протокол худсовета, увидеть мне не удалось. Директор театра, он же и председатель худсовета Г. Топчиев, фигурально выстави представителя прессы за дверь, открыто заявил, что «ничего говорить и показывать по этому поводу не будет». Надо отдать должное Гаданфару Рагимовичу: месяцем позже беседа все же состоялась.

Но вернемся к худсовету. Как мы он проходил? По рассказам присутствовавших на нем актеров, как всегда, собрались в кабинете директора. Зачитали заявление Митрофанова такого содержания: «Проработал в театре 15 лет и не имею за это время ни одного административного взыскания. Ухожу ввиду того, что в коллективе крайне нездоровая, нетворческая атмосфера, созданная главным режиссером Селимовой».

Но никто в этот день не собирался обсуждать эту «крайне нездоровую атмосферу». Без Митрофанова обсуждали самого Митрофанова, его тяжелый, «конфликтный характер», вредные привычки. Джаннетта Алибекова говорила о том, какой он неблагодарный: при ней получил звание заслуженного, максимальную тарифицикацию... (хотя, справедливости ради, надо сказать, что актер и тому времени успел проработать в театре десять лет, и звание получил за прежние заслуги).

МИТРОФАНОВ и вправду не был ущемлен в творческом плане: почти каждый вечер выходил на сцену, был занят в ведущих ролях, любим зрителями. Дело совсем не в этом. Судьбу ведущего актера решали на худсовете два человека — Топчиев и Селимова. Дружное молчание остальных членов худсовета расценивалось не иначе, как «всеобщее одобрение». Заслуженный артист республики Н. Ковтун попытался было возразить: «Как же без Юры обсуждаем, надо бы перенести заседание», но его тут же перебили. Худсовет постановил: «Просьбу Митрофанова удовлетворить».

Свое молчание заслуженная артистка республики Л. Духовная позже объяснит так: «Попробуйте в чем-то убедить людей, привыкших рассуждать так: есть два мнения, одно — мое, другое — неправильное. Худсовет давно перестал быть у нас «судом чести». Нам открыто заявляют: к вашему мнению мы прислушиваемся, но решаем сами. И если для себя они все же уже решили, то я чему создавать видимость гласного обсуждения, вести пустые разговоры? Все равно ничего не изменится. Это мы поняли еще шесть лет назад...».

Людмила Семеновна имеет в виду восьмидесят второй год, когда театр остался без главного режиссера. И в один далеко не прекрасный день приехал сам министр культуры республики З. Н. Багиров, чтобы поставить перед фактом: главреном будет Селимова. Прошедший было по аудитории недовольный шумок тут же был прерван: так, мол, надо. Кандидатура, увы, во время еще весьма далекое от перестройки и демократизации, как известно, оспариванию не подлежала.

На следующий день из театра ушла первая в республике женщина-режиссер Гюльджахан Гюльахмедова-Мартыкова.

Г. Гюльахмедова-Мартыкова, народная артистка Азербайджанской ССР, лауреат Государственной премии республики, доцент Азгосконсерватории имени Узеира Гаджибекова.

— Почему ушла? Вы первый человек, задавший мне этот вопрос за всю жизнь нет. Ушла на из-за личной обиды, как думали многие. А потому, что уже тогда видела катастрофический день театра. Но не хочу говорить о себе. Вы спросили о Митрофанове... Это актер с редкой индивидуальностью, неизвестный. Да, он знает себе цену и на деле доказывать себе, на это мы не способны. Кругом текучесть, приспособленцы, неизвестные, ищущие что получше, лишь бы не в Баку. Но разве дело в месте? Юра так на мог, потому и ушел. А Лешка Нинольский? Уже первый его спектакль вызывал у меня чувство от всего того, что делалось на сцене театра. Ищущий, способный режиссер, но, к сожалению, не сформировавшийся, не ушел со своей позицией, не сохранивший достоинства главрежа в своих разборках. Конечно, и у меня были ошибки, неоправданный гонор — все мы не без этого. Но наверное, было бы лучше, если бы я, вынуждать отказываться от собственных убеждений, бороться с ними по всяко творческие методы, и в конце концов, вынудить уйти из театра, а матерщин по выгоне и сплетнями мой режиссер? Впрочем, может, она и к лучшему. Для Лешки, разумеется...

После Гюльахмедовой-Мартыковой из театра ушел Анатолий Соломонович Фальович. У старшего поколения это имя ассоциируется с образом Дверинского, которого он создал в одиннадцати художественных фильмах. Красивый, умный, волевой — таким его знает всесоюзный зритель по экрану. Но было еще — уже на сцене нашего театра — суровый, справедливый Крутов в спектакле «Долги наши», искренний, сильный Мурат Сагадеев в «Тринадцатом председателе», Николай Первый в «Шагах командора» и журналист Карлос Бланко в «Интервью в Вузнос-Айресе».

А. Фальович, народный артист Азербайджанской ССР.

— Мне повезло в жизни. Ведь я работал в труппе с такими замечательными мастерами, как Степанов-Колосов, Ярославский, Ашурова, Мамедов, Гюльахмедова-Мартыкова. И вдруг, полный творческих замыслов, энергии, встал перед выбором: продолжать работать под руководством неинтересного режиссера, человеческие качества которого оставляют желать лучшего, или уйти. Смириться, приспособиться, остаться доживать в театре или разом закончить свою творческую жизнь, то есть сгореть. Я выбрал последнее. Жалею ли? Нет-нет, ведь я сохранил уважение к себе. Мне больно видеть сегодняшний день нашего, моего, театра. Мыслимо ли: театр, носящий имя выдающегося азербайджанского поэта и драматурга Самеда Вургуна, так и не смог творческим откликнуться на его юбилей, поставить спектакли по его драматическим произведениям?! Но я верю, что перемены, которые происходят сегодня в нашем обществе, затронут, наконец, и театральную сферу. В частности, и наш Русский драматический театр.

ЕСЛИ В ПЕРВ�ые двадцать лет после назначения Селимовой главным режиссером, театр еще держался за счет такого прочно существующего до определенного времени фактора, как репутация, то потом он стал неудержимо катиться вниз по наклонной плоскости. Селимова стала один за другим исключать из репертуара спектакли, поставленные Гюльахмедовой-Мартыковой. Она хотела создать свой театр («Ведь есть же театр Струпа, Товстоногова, Ефремова», поделилась Джаннетта Алибекова). Месяцами не репетируя спектакли Гюльджахан ханум, труппе вдруг предлагалось сыграть их на сцене. Вполне естественно, что актеры забывали свои роли, элементарно — слова, от чего спектакль нарушался уже не таким и, как это обычно делается, списывался. Так, безвозвратно, одни за другим ушли от зрителей еще творчески неиспользованные «Долги наши», «Интервью в Вузнос-Айресе», «Лето в городе», «Наедине со всеми», «Гражданин председатель» и другие.

Списанные спектакли нужно было заменять новыми. Понятно, что одной Селимовой это было не под силу. Других постановщиков в театре не было: по сей день остаются вакантными оба места, так называемых, очередных режиссеров. Объясняют это трудностями в вопросе выделения жилплощади приезжим режиссерам. А иногда и так: «некого приглашать». А м нам, действительно, стали чаще приезжать режиссеры «со стороны». Так, Шахбазиди из Сумгаита поставил спектакль «Профессиональ жизни». Литко из Днепропетровска — «Рядовые» и «Зимуля», Асланов из Махачкалы — «Последний посетитель», Либуркин из Ленинграда — «Смех Гаргуты», «Диктатуру совести» и «Пе». Эрин из Москвы — «Трамвай «Желание». Актеры рассказывали, что Литко и Либуркин хотели остаться в Баку, но в театре сделали все возможное, чтобы этого не случилось. Давид Лазаревич Либуркин ные главный режиссер Новосибирского областного драматического театра.

Почему Литко и Либуркин не остались в театре, остается только догадываться. Достаточно вспомнить, как преображалась труппа во время их репетиций. «Рядовые» и «Диктатуру совести» репетировали буквально взахлеб, оставались, как это бывало в прежние времена, до четырех-пяти утра... Актеры, привыкшие к беспрекословному подчинению Селимовой, ее постоянным окриками и грубым замечаниям на репетициях (замечено, что атмосфера репетиций в громадной степени определяет общий результат работы), вдруг открыли для себя простую истину: театр — искусство коллективное. Можно было спорить с режиссером, не соглашаться с ним, предлагать свои решения. «В театре, — говорил Станиславский, — нельзя приказывать, можно только увлекать». Было очевидно: если Литко (а позже и Либуркин) останутся в театре, труппа пойдет за ними, как идут обычно за неформальными лидерами. Но Селимовой достаточно одного Адамова. Замечательный в прошлом актер, он по состоянию здоровья уже не может играть в спектаклях. Продолжая числиться актером, Константин Гаймович поставил ряд интересных спектаклей: «Мужчина для молодой женщины», «Горько!», «Премьера», «Театр времен Нерона и Сенеки», «Кабачник» и другие. Свое положение в театре он сам определил так: «сбоку припека». Такое положение вполне устраивает руководство. Ведь когда ставит Селимова, специально приглашают художника, композитора, освобождают лучших актеров. Адамов же довольствуется малым: «дают возможность репетировать — и на том спасибо».

НЕ ТОТ ВОЗРАСТ, здоровье... Но дело еще и в том, что руководство театра очень мстительно и крутыми не прощает. Трудно вспомнить, как жестоко обошлись в театре с несомненно талантливым и уже прожившим себя в труппе и режиссером Алексеем Нинольским. Долгое время ему не давали ставить, мотивируя тем, что он театровед, а не режиссер по образованию. После длительных конфликтов ему, поставившему в этому времени спектакль «Человек, который платит» (о котором писала не только республиканская, но и центральная пресса), предоставили малую сцену. Нинольский поставил «Собаку», которую отверг худсовет, и, последний, не сработавшись, а точнее, не сойдясь характером с руководством театра, ушел. Чуть позже театр пригласил для постановки этого же спектакля режиссера из Москвы Н. Рябова. Сделанное вместе с Александром Жигаловым (актером, также ушедшим из театра), организовав экспериментальную театральную студию в клубе Бакинского рыбопромышленного техникума, вместе со студентами Института искусств имени М. Алиева поставил ряд интересных, по мнению многих, спектаклей: «Звезды на утреннем небе», «Ловушку» и ту же «Собаку»...

Л. Духовная, заслуженная артистка Азербайджанской ССР.

— Приходишь в работать в студию, играешь в ней спектакли, и примеру, в «Собаке», с народным артистом республики Шурадеем Кязимовым, и на пересмотр удовлетворяешь их желанию и умению работать. Как они готовятся к выходу на сцену, к эрзителям! Приходят за несколько часов до начала спектакля и настраивают себя психологически, физически упражняются. В нашем же — профессиональном — театре можно прийти за пять минут и с ходу быть введенным в чужую роль. «Преступление и наказание» можно, оказывается, играть без Сандригайлова и дамы, продолжать, читать свою роль на глазах у зрителей. Как это назвать? Неуважение? По-моему, слишком мягко. Заполнить зал нам угодно, только бы прорваться, выполнить план, заработать. О каком творчестве может идти разговор?

Парадоксально: даже студенты, которым Д. Селимова преподает в Институте искусств имени М. Алиева, а, точнее, преподавала (когда материал готовился и печатн, стало известно: ректорат кафедры актерского мастерства удовлетворил просьбу студентов об отстранении Д. Селимовой от преподавания на их курсе), и те не ходят в ее театр. «Потому что неинтересно», — говорят они. Но еще и потому, что видели и видят, как в аудитории говорят одно, а в театре делают совсем другое. Цитируя Станиславского, призывают к «смелому новаторству, свободному полету творческой фантазии», и жестоко расправляются с их любимцем Лешей Нинольским. Снимают с роли актрису Т. Галанчеву только за то, что осмелилась в знак протеста выйти на генеральную репетицию босой: в театре не оказалось нужной для ее героини обуви. Жестоко обращаются с техническими работниками, особенно директор театра (о его грубости приходилось слышать не раз, да и сама убедилась воочию). С осмелившимися выразить недовольство обходятся просто: «Не нравится — уходи». Те не выдерживают, уходят, в результате — огромная текучесть кадров. А что же партком, профком?

— Партком и профком защищают интересы администрации, — говорит бывший монтировщик сцены Ф. Гусейнов. — Нам надоело работать за двоих, и мы попросили перейти нас на бригадный подряд, чтобы получать исключительно по затраченному труду, самим распределять между собой заработную плату. Но директору Топчиеву не понравилось такое «вольнодумство». Он сделал все, чтобы большинство членов еще на существующего совета бригады отказалось от этой идеи. Я продолжал настаивать на своем. Тогда стали придираться, нашли повод, чтобы объявить выговор. В такой обстановке работать было невозможно, и я фыкнул и уволился. По собственному, разумеется, желанию...

С финансовой неразберихой столкнулись и студенты. Будучи занятыми в спектаклях, они не получали за работу денег. Объяснялось это так: «должны сказать спасибо за то, что вообще допускаем к театру». Студенты ушли, но потерял от этого только театр, в спектаклях которого они иногда бывали заняты. К примеру, в «Диктатуре совести», по сути, сейчас некому играть. Да и вообще, молодых актеров в театре можно сосчитать на пальцах одной руки, средний возраст труппы — 42 года, а членов худсовета, подумать только, переваливает за пятьдесят!

МЫ ДАЛЕКИ от того, чтобы лишь в темных красках изображать сегодняшний день театра, идейно-художественную наполненность репертуара. Коллектив живет, работает, на афишах появляются названия новых спектаклей. Скажем, успешно прошла премьера спектакля «Закат», поставленного по одноименной пьесе И. Бабеля (позднее он стал идти под названием «Последняя любовь Менделя Крика»). Критик в газете «Баку», на мой взгляд, весьма справедливо назвал эту работу «принципиальной удачей театра», да и наша «Вышка» отметила премьеру положительной рецензией. Планов, творческих задумок у руководства театра немало. Сразу после гастролей в Ленинграде и Иркутске труппа приступит к репетициям нескольких спектаклей, которые бакинцы смогут увидеть еще до конца года. Джаннетта Алибекова мучительно ищет театральный эквивалент замечательному произведению азербайджанского драматурга Юсифа Самед оглы «День казни». Подумывают, к примеру, о переходе на работу в условиях эксперимента, затронувшего уже восемьдесят театров страны. Все это, конечно, хорошо, но надо ли повторять известное: развитие театрального искусства, усиление творческой деятельности возможно лишь в коллективе с высокой духовной атмосферой. Его в театре давно нет. Труппу лихорадит от бесконечных закулисных сплетен, склок, творческой необъективности. Так, все, с кем приходилось встречаться при подготовке материала (более двадцати актеров), говорили об особом, привилегированном положении в труппе актрисы И. Перловой.

В театральном мире, где самолюбие, самомнение легко обостряются, беспристрастность со стороны режиссера должна быть на первом месте. Но у Джанетты Алибековны появилась любимица, дарование которой никто и не собирается оспаривать. Но ей все дозволено. А это обстоятельство как раз и деморализует творческий коллектив, сбивает его с нормального ритма, расшатывает в артистах уверенность в своих силах, веру в справедливость.

И. Перлову называют в узких кругах хозяйкой театра, а театр — на-за ее особого положения и труппе — «театром одного актера». И терпят, куда денешься? Не каждый ведь может в открытую, как это сделала одна актриса, заявить: «Не желаю быть гарнером для Перловой». Возможно, и резко сказано, но что не выскажешь сгоряча в коллективе, где главенствуют необъективность и пристрастие?

«Пораженный организм» — так определила сегодняшний день бакинского театра московский кудесник Б. Красиков. Он часто приезжает в наш театр и никак не может примириться к тому, что можно, оказывается, ставить спектакли без очередных режиссеров. Уж не говорю о том, что давно нет главного и очередного художника, заведующего постановочной частью. «Никогда не видел столь развалившегося со всех сторон театра, — говорит Красиков. — Бесхозяйственность полнейшая, а спросить — не с кого. Никто ни за что в театре не отвечает...».

А знают ли об этом в Министерстве культуры республики? Прекрасно знают! Еще три года назад на приеме у министра культуры были представители труппы. Долго рассказывали тогда о своих бедах, просили помочь. Лишь обещали. Сколько раз выступала на представительных собраниях, совещаниях народная артистка республики Дина Тумаркина. Ну и что же? Дорого обошлись актрисе беспокойный от рождения характер, активная жизненная позиция, бескомпромиссность. За последние шесть лет Тумаркина, кроме как в спектакле «Скамейка», если не считать эпизодических ролей, нигде не занята.

— Жить честно в нашем искусстве — это значит, уметь полностью отдавать себя, — говорит Дина Иосифовна. — Кто, наконец, защитит нас от бесправного положения, необъективности?

То же самое услышала я и от Митрофанова. И еще вот что: «Знаете, я не обижаюсь на своих товарищей, промолчавших тогда, на худсовете. Они не защищены, у них безвыходное положение. Деваться-то нам некуда: в городе ведь нет второго Русского драматического театра».

«В театре каждый должен чувствовать себя нужным», — сказала в интервью латвийскому корреспонденту Д. Селимова. Она же, на худсовете, решаем судьбу своего ведущего актера, позднее сделает резюме: «Пусть уходит, незаменимых нет».

В театре — не всегда. К примеру, снят с репертуара полюбившийся бакинцам спектакль «Театр времен Нерона и Сенеки». Не оказалось в театре другого актера, который так на убедительно и ярко, как это сделал Митрофанов, смог бы выленить образ деспотичного Нерона. Нет, совсем не случайно «Дагестанская правда» во время гастролей театра в Махачкале писала о Митрофанове в своей рецензии: «Требуется очень талантливая, четкая личная гражданская позиция, чтобы так теоретически, с такой разоблачительной силой и, вместе с тем, с такой сложностью, в клубке противоречий, решить образ этого персонажа, чтобы до конца спектакля держать зал в напряжении. Можно позавидовать театру, имеющему такого артиста в труппе...».

...Заслуженный артист Азербайджанской ССР Юрий Митрофанов сейчас работает в «Аэконцерте», читает со сцены юмористические монологи...

Арзу ЗЕЙНАЛОВА.

БАКУ.